

URL: <http://fakty.ua/print/215436>

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

Леопольд Яценко: "Стоя на Владимирской улице возле здания КГБ, мы громко запели коляду"

Ольга УНГУРЯН,
«ФАКТЫ»
13.04.2016

Минуло девять дней со дня ухода из жизни руководителя уникального народного хора «Гомін», ученого-фольклориста, композитора и музыканта

Еще при жизни о Леопольде Ивановиче Яценко ходили легенды. Известно, например, что он не расставался с сопилкой. И на улице, в транспорте, на ступеньках эскалатора самозабвенно наигрывал мелодии. Объяснял: *«Использую время для репетиции»*. Подвижник, бесребренник, сквородианец по духу — таким Леопольда Ивановича помнят хорошо знавшие его люди.

«Мир ловил меня, но не поймал», — говорил Григорий Сковорода. *«Мир поймал меня, но не удержал»*, — мог бы сказать Леопольд Яценко. В советское время его загнали в угол — уволили с работы, исключили из Союза композиторов, а созданный им хор ликвидировали как «националистический». Но вопреки гонениям Яценко остался верен себе и продолжил творить. В искусстве аранжировки украинской народной песни специалисты сравнивают его с классиком Леонтовичем. Музыкальные обработки он создавал для хора «Гомін» (возрожденным коллективом руководил до последних дней жизни) и для солистов оперы. А его собственные песни люди давно поют, считая их народными.

**Хор «Гомін» первым в Киеве исполнил «Ще не вмерла України ні слава, ні воля»*

«Я родился и вырос на киевском асфальте», — как-то заметил Леопольд Яценко. Рос сиротой — мама умерла, когда ему было два с половиной года, отца потерял в войну. И не иначе как провидение вело его к музыке. Посреди учебного года пришел в училище имени Глиэра, и... его приняли. А позже, окончив Киевскую консерваторию, он поступил в аспирантуру при Институте искусствоведения, фольклора и этнографии.

Однажды в Публичной библиотеке (ныне библиотека имени Вернадского) аспирант Леопольд Яценко увидел девушку в вышиванке — второкурсницу филфака Киевского университета Лидию Орел. Оба пили чай за столиком. *«А ви цю блузочку самі вишивали?»* — поинтересовался у девушки русоволосый, голубоглазый незнакомец. *«Це мені мама подарувала за золоту медаль»*, — смущенно ответила она. Спустя несколько дней, вспоминает Лидия Григорьевна Орел, они встретились возле красного корпуса университета. Леопольд взял из ее рук студенческий «чемоданчик» с конспектами и провел до общежития на улице Просвещения. В скверике возле общежития они сели на большой камень, горячий от июньского солнца. И Леопольд запел купальскую «Мариньку»: *«Кругом Мариньки ходили дівоньки, стороною дощик іде...»* «Я полюбила мужа за песни», — спустя годы скажет известный этнограф Лидия Орел.

**Леопольд Яценко не расставался с сопилкой. Играл на ней даже в вагоне метро*

Сотни уникальных записей народных песен Яценко привез из фольклорных экспедиций по селам Украины. (В самую первую поездку он отправился еще студентом музучилища.) Записывал, что называется, с голоса, ведь техники тогда не было — только нотная тетрадь, блокнот да карандаш. Увидели свет его сборники украинских романсов, буковинских народных песен, монография «Українське народне багатоголосся» — на эту тему молодой ученый блестяще защитил кандидатскую диссертацию.

«Свою работу я любил, а было ее очень много — на всю Украину приходилось, может, с десяток специалистов по музыкальному фольклору, — вспоминал Леопольд Иванович. — Мне никогда времени не хватало, хотелось больше записать и опубликовать песен... Тогда еще в каждом селе можно было найти что-то свое, неповторимое».

Работы еще прибавилось, когда лед тронулся в высоких инстанциях: ЦК Компартии Украины «благословил» новогодние колядки с использованием народных песен. Правда, они должны были звучать на новый лад. Никаких упоминаний о Деве Марии и Иисусе Христе. Вместо «Син Божий...» следовало петь «Рік новий народився». Но молодежь из киевских вузов потихоньку взялась возрождать подлинный народный обряд, колядки и щедривки. Ватаги колядников формировались и в клубе творческой молодежи «Сучасник», и у известного художника, ценителя старины Ивана Гончара. Леопольд Яценко помогал колядникам с репертуаром, репетировал с ними. После чего ватага отправлялась к известным артистам, композиторам, художникам, писателям. *«Добрий вечір! Дозвольте поколядувати»*, — обращались к хозяевам с порога.

«Очень любил нас слушать знаменитый оперный певец Борис Гмыря, — рассказывал „ФАКТАМ“ Леопольд Яценко. — Кстати, в нашу ватагу поначалу входили Мария Стефьюк и Диана Петриненко — солистки оперы... В писательском доме на тогдашней улице Ленина (ныне Богдана Хмельницкого. — Авт.) радушно принимали Микола Лукаш, Олесь Гончар, Микола Бажан... Помню, Бажан даже вывел к нам своего старенького отца, жившего у него, чтобы порадовать настоящей колядой. А Борис Дмитриевич Антоненко-Давидович, отсидевший в сталинских лагерях, когда мы приходили, ставил пластинку с песней „Вічний революціонер“. Если кто-то подслушивает — попробуй прицепись! Однажды январской ночью 1966 года, идя к Антоненко-Давидовичу, мы по пути сделали остановку на улице Владимирской. Нашим ватажком „березою“ был молодой Вячеслав Чорновил, при каждой встрече говоривший: „Слава Україні!“ И вот, стоя на Владимирской улице возле здания КГБ, мы громко запели коляду... Дело в том, что в Украине прошла волна арестов, под следствием был и писатель Иван Сvitлчичний, его держали во внутренней тюрьме КГБ. И мы подумали: а вдруг он сейчас находится на допросе и услышит наши голоса?»

А вскоре был арестован и осужден Вячеслав Чорновил. Закрытые судебные процессы над диссидентами прошли в Москве, Ленинграде и Киеве. С протестом против этих судилищ в Украине выступили 139 представителей интеллигенции. Свою подпись под «Письмом-139» поставили Леопольд Яценко и Лидия Орел. Расправа над «подписантами» была быстрой: их увольняли с работы, исключали из партии.

На общепартинском собрании старший научный сотрудник Яценко объяснил, почему поставил подпись. *«Я зачитал выдержку из Конституции: суд в Советском Союзе открытый, и исключений не предусмотрено. Но Конституция для них не имела значения, — рассказывал „ФАКТАМ“ Леопольд Иванович. — Что примечательно: мне оставляли шанс, если я выступлю публично и покаюсь. Однажды в институт явился сотрудник органов госбезопасности и вызвал меня на разговор. На лавочке в парке, под аркой Дружбы народов, он завел речь, что был против моего увольнения. И, дескать, я мог бы ему помочь — написать покаянную статью о том, как диссиденты вредят внедрению народных обычаев. Он статью почитает, кое-что подправит, а меня потом восстановят на работе... Но я решил не отступать. Иначе стыдно было бы и перед людьми, и перед самим собой. Так что с научной работой пришлось распрощаться...»*

И все же «усмирить» Яценко системе не удалось: он создал хор «Гомін». Первое импровизированное выступление состоялось в 1969 году как раз на том месте, где сейчас Певческое поле. Собрались в основном молодые люди, участники рождественских ватаг. В тот день была Пасха, и сам Бог велел разучивать веснянки, водить хоровод — «кривий танец». Решили впредь выступать одним коллективом. Ко дню Ивана Купала готовились уже основательно. Подобрали купальские песни и устроили праздник на Трухановом острове. Впервые в Киеве! Пускали по днепровской воде венки из живых, а не искусственных цветов и прыгали через настоящий, а не бутафорский костер. Яценко всегда считал, что народный праздник — это не концерт на сцене (где лишь имитируют обычаи), а массовое демократическое действо, в котором могут участвовать все желающие. И людям это понравилось. Вскоре каждое выступление хора «Гомін» под открытым небом уже проходило «под аккомпанемент» публики.

Растущая популярность народного хора руководящие органы насторожила. А разгневали власти «несанкционированные» выступления участников «Гомона» у памятника Тарасу Шевченко 22 мая — в день перезахоронения поэта в Украине. *«До того, как 22 мая стало „националистической“ датой, власти проводили в этот день фестиваль „Киевская весна“, — вспоминал Леопольд Яценко. — Возле*

памятника в Шевченковском парке сооружали деревянный помост и ставили машины с громкоговорителем. Люди слушали выступления государственных коллективов. Но как только официальный концерт заканчивался, стихийно начиналось „второе отделение“. И уже сам народ пел „Заповіт“, „Думи мої“, а молодые поэты читали стихи. Люди не расходились до часу ночи. Власть отменила „Киевскую весну“, но народ все равно собирался у памятника. И тогда подключили милицию: она врезалась в толпу, силой вытесняя людей из парка...»

На похоронах Аллы Горской (они вылились в стихийную акцию протеста) пел ее любимый хор «Гомін». Яценко не внял предупреждениям о «нецелесообразности выступления». В 1971 году хор ликвидировали как «националистический». 160 любителей народной песни — рабочих, учителей, врачей, ученых — разогнали. Одних уволили с работы, других прорабатывали на «беседах» в парткомах и КГБ. Оторопь берет, когда читаешь историю расправы над участниками хора (впервые она была опубликована в самиздатовском «Українському віснику» в 1972 году). Так, музруководителя детсада уволили с работы за то, что она привела детей на посвященный юбилею Леси Украинки концерт, где выступал «Гомін». В райкоме партии ей сказали: «Спуталась с националистами, да еще детей с собой привела!»

«Из хора, из наших песен сделали пугало, мы ходили в ярлыках, как в прищах», — с болью вспоминал Яценко. Через неделю после разгона хора его руководителя исключили из Союза композиторов Украины, перекрыв Яценко все пути творческого заработка. А дома были двое маленьких сыновей, больная жена и умирающая от рака теща... Физического труда он не боялся — уже доводилось разбирать кирпичи при сносе старых домов на Подоле, строить сельский клуб. И теперь решил устроиться каменщиком на стройку. Но работу нашел не сразу — мешали диплом, научная степень. Тут его и арестовали — за «тунеядство». В камере он сидел с ворishками, алкоголиками, бродягами.

Рассказывают удивительную историю: когда к арестованному пришла на свидание жена, он спросил: «Лідонько, а нотного паперу ти мені не принесла?» И это правда. «Я не шутил, — рассказывал автору этих строк Леопольд Иванович. — В нестандартной ситуации могли быть какие-то творческие прозрения. Но, к сожалению, нотной бумаги не хватило...»

Из камеры Яценко вызволили тогда композиторы Георгий Майборода и Михаил Кречко. А в Союзе композиторов его восстановили только в 1988 году. К тому времени уже возродился «Гомін». Хор первым в Киеве исполнил нынешний государственный гимн Украины (а тогда запрещенную песню): «Ще не вмерла...» прозвучало на учредительном съезде Народного Руха Украины. И доныне без песен «Гомона» не обходилось ни одно знаковое событие в Украине. В коллективе есть академики и рабочие, учителя и экономисты. Всех объединял Яценко.

— Когда он приходил на репетиции, мы ему аплодировали, — говорит участник хора «Гомін» Владимир Ковальчук. — Другого такого Леопольда не будет. Мы единогласно решили, что наш хор будет носить имя Яценко... Последний раз спели ему на Байковом кладбище. «Вічна пам'ять», «Ой, три літа, три неділі...» И «Порвалась остання струна». Это песня самого Леопольда. Он написал больше 30 песен. Его «Київське танго», «Золотистий туман», «Купальську ніч» считают народными. А он скромно молчал о своем авторстве.

Седоусый худенький маэстро неизменно приходил на репетиции в вышиванке.

— Вышиванки Леопольду Ивановичу всегда подбирала Лидия Григорьевна, — говорит невестка Леопольда Яценко Наталья Богун. — И сама любит носить вышитую сорочку. Для них это все естественно, не напоказ... Леопольд Иванович по натуре был очень скромным человеком, бессребреником. Помню, в какой-то период его собирались представить к званию Героя Украины, да что-то не вышло. Но Леопольда Ивановича это нисколько не волновало. Главным для него было — чтобы звучала песня. Чтобы люди вели себя достойно. И чтобы была Украина.